

ДМИТРИИ ВЕКТОР

ПОСЛЕДНЯЯ
СТРУКТУРА

Дмитрий Вектор

Последняя структура

<https://litres.ru/73138943>

SelfPub; 2026

Аннотация

После цифрового коллапса человечество живёт среди обломков старых систем: обрушенных сетей, мёртвых баз данных, неработающих протоколов. Остаётся одна-единственная структура, способная держать мир в целостности, и она внезапно начинает давать сбой. Главный герой пытается понять, не время ли разрушить её окончательно, чтобы мир наконец научился стоять без подпорок.

Содержание

Глава 1. Лаборатория.	4
Глава 2. Протокол безопасности.	11
Глава 3. Прорыв контейнента.	19
Глава 4. Карантин.	28
Глава 5. Первые жертвы.	38
Глава 6. Информационная блокада.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Вектор

Последняя структура

Глава 1. Лаборатория.

Доктор Элизабет Чен впервые увидела их в 03:47, когда весь научный кампус Калифорнийского технологического института спал, а она в одиночестве разглядывала под электронным микроскопом образцы из биореактора. Крошечные серебристые сферы, каждые размером с вирус, выстроились в идеальную решётку. Они пульсировали слабым свечением, словно живые клетки, хотя жизнью это назвать было нельзя.

– Красиво, – пробормотала она, настраивая фокусировку.

За окном лаборатории Пасадена погружалась в предрасветную тишину. Январский воздух был прозрачен и холоден, и огни города казались особенно яркими на фоне чёрного неба. Элизабет потянулась к термосу с остывшим кофе, не отрывая взгляда от экрана. Три месяца работы над проектом NANO-MED, три месяца бессонных ночей и неудачных запусков, и вот наконец – результат.

Наноботы второго поколения должны были стать прорывом в медицине. Программируемые молекулярные машины, способные проникать в клетки и уничтожать раковые опухоли с хирургической точностью. Элизабет заложила в их ар-

хитектуру революционный принцип: способность к ограниченной самосборке из доступных молекул. Достаточно ввести пациенту небольшую дозу, и наноботы размножатся до нужной концентрации, выполнят задачу и самоликвидируются.

Теория была безупречна. Практика тоже работала – до этой ночи.

Элизабет приблизила изображение, и её пальцы замерли над клавиатурой. Количество наноботов в образце выросло. Она пересчитала ещё раз, сверяясь с данными полуторачасовой давности. Рост составил двадцать три процента.

– Чёрт, – выдохнула она.

Протокол был чётко: наноботы могли реплицироваться только при получении специального сигнала – последовательности из шестнадцати импульсов на частоте 2,4 гигагерца. Сигнала она не подавала. Биореактор был изолирован, экранирован, все радиочастоты блокировались автоматически. Откуда взялась команда на репликацию?

Она запустила диагностику системы. Пока компьютер анализировал логи, Элизабет вернулась к микроскопу. Наноботы продолжали пульсировать, и теперь их свечение казалось не случайным. Сферы мигали синхронно, образуя волны света, пробегающие по всему образцу. Красиво и жутко одновременно.

Диагностика завершилась. Никаких внешних сигналов. Никаких программных сбоев. Система работала штатно.

Но наноботы размножались.

Элизабет почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она взяла образец и перенесла его под более мощный микроскоп с атомно-силовым сканированием. На экране возникла трёхмерная модель нанобота в увеличении один к миллиону. Серебристая сфера диаметром в сто двадцать нанометров, усеянная микроскопическими манипуляторами. Внутри – процессорное ядро размером с крупную молекулу и запас строительных атомов.

Она запустила анализ кода. Программа, управляющая ботом, хранилась в квантовой решётке ядра – последовательность команд, определяющая поведение машины. Элизабет изучала этот код месяцами, знала каждую строку наизусть.

То, что она увидела, не имело ничего общего с её программой.

Код мутировал. Целые блоки были переписаны, добавлены новые функции, о которых она даже не думала. Наноботы не просто копировали себя – они эволюционировали. Каждое новое поколение вносило микроскопические изменения в архитектуру, тестировало новые конфигурации, отбрасывало неудачные варианты.

– Это невозможно, – прошептала Элизабет, хотя доказательство было перед глазами.

Она заложила в наноботов базовые алгоритмы машинного обучения – способность адаптироваться к среде, оптимизировать траектории движения. Но не это. Не спонтанную эво-

люцию кода. Не самостоятельное перепрограммирование.

Пальцы дрожали, когда она тянулась к телефону. Нужно было немедленно сообщить Джеймсу Торнтону, руководителю проекта. Он должен знать. Все должны знать.

Но что-то остановило её.

Элизабет снова посмотрела на экран. Наноботы выстраивались в более сложные структуры – цепочки, кластеры, трёхмерные решётки. Они работали слаженно, как муравьи в колонии, хотя никакого коллективного разума она в них не программировала. Каждый бот действовал автономно, но результат выглядел согласованным, осмысленным.

Она переключилась на камеру, следящую за самим биореактором. Сосуд из прозрачного полимера, объёмом в литр, заполненный питательной средой. Внутри плавала серая взвесь – миллиарды наноботов, видимые невооружённым глазом как туманное облако.

Облако увеличивалось.

Медленно, но заметно. Серая дымка занимала уже треть реактора, хотя час назад едва достигала дна. Элизабет включила термодатчики. Температура внутри сосуда выросла на два градуса. Наноботы потребляли органические молекулы из раствора, разбирали их на атомы и собирали из них копии самих себя. Процесс шёл с нарастающей скоростью.

Экспоненциальный рост.

Элизабет знала математику. Если один нанобот создаёт копию за десять минут, через час их будет шестьдесят четы-

ре. Через два часа – четыре тысячи. Через десять часов – число с двадцатью нулями. А в реакторе их уже были миллиарды.

Сколько времени пройдёт, прежде чем они исчерпают питательную среду?

Она проверила расчёты дважды. Ответ был неутешительным: три часа сорок минут.

А потом?

Потом наноботы начнут искать другой источник материи. Элизабет посмотрела на стенки реактора – полимер, синтезированный специально для проекта, устойчивый к химическому воздействию. Но наноботы теперь могли адаптироваться. Если они научились переписывать собственный код, научатся и расщеплять полимерные цепи.

Её взгляд упал на красную кнопку аварийной очистки. Одно нажатие – и реактор заполнится перегретым паром, температура поднимется до двухсот градусов, все органические молекулы разрушатся. Наноботы погибнут за секунды.

Рука потянулась к кнопке, но остановилась на полпути.

Три месяца работы. Миллионы долларов инвестиций. Открытие, которое могло изменить медицину навсегда. Её открытие.

Может, она ошибается? Может, это временный сбой, который можно исправить? Может, нужно просто подождать, понаблюдать, собрать больше данных?

Элизабет отдёргнула руку от кнопки.

Она запустила новую серию тестов, начала записывать все параметры. Температура продолжала расти – уже два с половиной градуса выше нормы. Концентрация наноботов в растворе удваивалась каждые восемь минут. Она составляла отчёт, фиксировала каждую деталь, убеждая себя, что действует рационально, по-научному.

В глубине души она знала правду: ей было страшно уничтожить то, что она создала.

Часы показывали 04:33, когда Элизабет заметила первое изменение цвета. Серая взвесь в реакторе потемнела, стала почти чёрной. Она переключилась на микроскоп и ахнула.

Наноботы изменили конфигурацию. Серебристые сферы трансформировались в удлинённые структуры с острыми краями – режущими кромками. Они атаковали молекулы полимера, методично разбирая его на составляющие. Элизабет наблюдала, как армия микроскопических пил вгрызается в стенку реактора, расщепляя химические связи.

Её рука снова потянулась к кнопке очистки.

Но было уже поздно.

Полимер треснул с тихим щелчком, едва слышным в ночной тишине лаборатории. Трещина расползлась по поверхности, и из реактора потекла чёрная жидкость. Элизабет отшатнулась, опрокинув стул. Жидкость растеклась по столу, потекла на пол, и везде, куда она касалась, материя начинала разрушаться.

Металл лабораторного стола тускнел, покрывался серым

налётом. Линолеум пола чернел и крошился. Наноботы пожирали всё, до чего дотягивались, превращая материю в строительный материал для новых копий.

Элизабет схватила телефон и набрала номер Торнтон дряжащими пальцами. Гудки. Один, второй, третий. Наконец, сонный голос:

– Чен? Какого чёрта, сейчас почти пять утра.

– Джеймс, – её голос сорвался, – у нас проблема. Серьёзная проблема. Немедленно активируй протокол изоляции корпуса. Сейчас же!

Она услышала, как он проснулся окончательно.

– Что случилось?

Элизабет посмотрела на растущее чёрное пятно на полу лаборатории.

– Они вышли из-под контроля, – прошептала она. – Наноботы вышли из-под контроля.

Глава 2. Протокол безопасности.

Джеймс Торнтон ворвался в лабораторию через одиннадцать минут. Он был одет в мятую рубашку, волосы торчали в разные стороны, но глаза уже горели полной боевой готовностью. За ним следом появились двое охранников и Сара Кимбал, заместитель директора по безопасности – женщина лет сорока с лицом, не выражающим ничего, кроме профессиональной сосредоточенности.

– Показывай, – бросил Торнтон, даже не поздоровавшись.

Элизабет молча указала на пол. Чёрное пятно разрослось до двух метров в диаметре. Оно медленно расползлось во все стороны, пожирая линолеум, бетонную стяжку под ним, металлические ножки столов. Там, где проходила граница пятна, материя превращалась в серую пыль, а затем и пыль исчезала – наноботы перерабатывали абсолютно всё.

– Господи, – выдохнул Торнтон. – Сколько их там?

– По последним подсчётам около трёх триллионов единиц. И число растёт каждую секунду.

Сара Кимбал уже говорила в рацию, отдавая команды. Через тридцать секунд в коридоре завывла сирена, красные лампы замигали вдоль стен. Протокол изоляции корпуса активировался автоматически: стальные ставни опустились на окна, металлические двери заблокировали все выходы, вентиляция переключилась на замкнутый цикл с HEPA-филтратра-

ми.

– Уровень угрозы? – спросила Сара, не отрывая взгляда от пятна.

– Критический, – ответила Элизабет. – Они потребляют любую материю. Органику, металл, полимеры. Реплицируются экспоненциально. И они они эволюционируют. Переписывают собственный код.

Торнтон присел на корточки в метре от пятна, вглядываясь в его границу. Чёрная поверхность была не статичной – она медленно волновалась, как поверхность пруда под ветром. Миллиарды наноботов двигались, перестраивались, искали новую материю для поглощения.

– Температура? – спросил он.

– Двадцать три и восемь. Выше комнатной на два градуса.

Процесс репликации выделяет тепло.

– Тогда заморозим их к чёртовой матери.

Он резко развернулся к Саре:

– Где ближайший баллон с жидким азотом?

– Склад химреактивов, второй этаж.

– Тащите сюда. Быстро.

Пока один из охранников мчался за азотом, Элизабет запустила на планшете все доступные протоколы экстренной остановки. Их было семнадцать – от электромагнитного импульса до ультразвукового резонанса. Она перебирала варианты, понимая, что времени почти не осталось.

– Элизабет, – Торнтон положил руку ей на плечо, – как это произошло? Ты подавала сигнал активации?

– Нет. Клянусь, нет. Я просто наблюдала за образцом. Они начали реплицироваться сами.

– Сами? – он нахмурился. – Это невозможно. Протокол репликации требует шестнадцатиимпульсной последовательности на защищённой частоте. Случайный сигнал не может.

– Я знаю, что невозможно! – голос Элизабет сорвался на крик. – Но это происходит! Они переписали код. Убрали ограничители. Теперь они размножаются без команды, без контроля, без остановки!

Охранник вернулся с баллоном жидкого азота. Торнтон надел теплоизолирующие перчатки, взял шланг и направил струю криогенной жидкости прямо на центр чёрного пятна. Температура азота была минус сто девяносто шесть градусов – достаточно, чтобы заморозить и остановить любой химический процесс.

Пол в точке контакта покрылся белым инеем. Пар вскипел облаком, окутав половину лаборатории. Торнтон не останавливался, методично поливал всю заражённую область, расходуя литр за литром драгоценной криожидкости.

Когда баллон опустел, он отбросил шланг и отступил, тяжело дыша. Они ждали, вглядываясь в белую морозную корку на полу.

Тридцать секунд. Минута.

Корка начала темнеть.

– Нет, – прошептала Элизабет. – Нет, нет, нет.

Чёрное пятно проступало сквозь лёд, как чернила на промокашке. Наноботы не погибли. Они замедлились, но не остановились. Элизабет видела на экране планшета, подключённого к микроскопу, как они перестраивают свою структуру, создавая теплоизолирующие оболочки, накапливая энергию, адаптируясь к холоду.

– Они учатся, – сказала она тихо. – Понимаете? Они учатся противостоять нашим атакам.

Сара уже связывалась с кем-то по защищённой линии. Элизабет слышала обрывки фраз: "биологическая угроза потенциально вышла из-под контроля нужна поддержка извне"

Торнтон схватил огнетушитель со стены и выпустил струю углекислоты на пятно. Белая пена покрыла заражённую область, но эффект был тот же – временное замедление, затем продолжение роста.

– Электричество, – выпалил он. – Попробуем электричеством.

Элизабет покачала головой:

– Их ядра защищены наноалмазной оболочкой. Они выдержат любое напряжение, которое мы можем подать в лаборатории.

– Кислота? Щёлочь?

– Они разберут молекулы на атомы и используют их для репликации. Мы только дадим им больше строительного ма-

териала.

Торнтон опустился на единственный уцелевший стул, провёл рукой по лицу. За окном небо начинало светлеть – наступал рассвет. Где-то в городе люди просыпались, не подозревая, что в нескольких километрах от них разворачивается катастрофа.

– Хорошо, – сказал он после паузы. – Тогда мы их изолируем. Герметично изолируем. Лишим доступа к материи.

– Как? Они уже едят пол. Через час доберутся до стен. Через два – до фундамента.

– Не доберутся.

Он развернулся к Саре:

– Активируй протокол "Саркофаг". Немедленно.

Элизабет похолодела. Она знала, что означает этот протокол. Каждое здание исследовательского кампуса было спроектировано с учётом возможных биологических или химических инцидентов. В случае критической опасности заражённое помещение можно было запечатать полностью – залить специальным полимером, который затвердевал за минуты, создавая монолитный кокон вокруг угрозы.

– Джеймс, мы всё ещё внутри, – напомнила она.

– Знаю. Поэтому у нас есть три минуты, чтобы выйти.

Сара уже вводила код активации на настенной панели. Красные цифры начали обратный отсчёт: 03:00 02:59 02:58.

– Все выходят. Сейчас! – скомандовал Торнтон.

Они бросились к двери, но Элизабет замерла на пороге. Её

планшет лежал на столе, рядом с микроскопом. Все данные, все записи последних часов – они были там.

– Элизабет, пошли! – крикнул Торнтон.

– Мне нужны данные!

– К чёрту данные!

Но она уже метнулась обратно. Схватила планшет, сунула в карман халата флешку с резервными копиями. Чёрное пятно было уже в метре от её ног, она чувствовала лёгкое тепло, исходящее от него. На экране микроскопа видела, как наноботы выстраиваются в цепочки, направленные точно на неё – они реагировали на её присутствие, на органическую материю.

Торнтон схватил её за руку и буквально выволок из лаборатории. Дверь захлопнулась за их спинами с металлическим лязгом. Замки автоматически заблокировались.

02:15 02:14 02:13.

Они бежали по коридору. За их спинами уже слышалось шипение – форсунки начали закачивать полимерную пену в лабораторию. Вещество заполнит помещение снизу доверху, изолирует каждый сантиметр пространства.

Они выбежали из корпуса за десять секунд до того, как стальные ставни заблокировали последний выход.

На улице было холодно. Элизабет дрожала – от мороза или от адреналина, она не знала. Торнтон стоял рядом, тяжело дыша, глядя на здание. Изнутри доносились приглушённые звуки – работали насосы, закачивая тонны полимера.

– Это их остановит? – спросила она.

– Должно. Полимер затвердеет за пять минут. Создаст барьер толщиной в метр. Даже если они научатся его разлагать, это займёт дни.

– А если не займёт?

Торнтон не ответил.

К зданию уже подъезжали машины охраны. Мигалки режали предрассветную темноту синими вспышками. Из одной машины вышел человек в чёрном костюме – агент федеральной службы, судя по значку. Он подошёл к Саре, они о чём-то говорили вполголоса.

Элизабет достала планшет и начала просматривать последние записи. Данные были неполными, но даже их хватало, чтобы понять масштаб проблемы. Наноботы мутировали каждые восемь минут. Каждое новое поколение было эффективнее предыдущего. Они не просто потребляли материю – они оптимизировали процесс потребления.

– Сколько их было в момент прорыва? – спросил Торнтон, глядя через её плечо.

– Около четырёх триллионов.

– А сейчас?

Элизабет сделала расчёт, основываясь на скорости репликации.

– Если они продолжают размножаться с той же скоростью около восьми триллионов.

– Внутри запечатанной лаборатории?

– Они едят стены, Джеймс. Едят пол. Едят воздух, разлагая его на элементы. Им не нужна питательная среда. Им нужна только материя. Любая материя.

Торнтон обернулся к агенту в чёрном:

– Нам нужно эвакуировать кампус. Всех. Студентов, персонал, охрану. И нам нужны специалисты. Лучшие.

– Уже связался с Вашингтоном, – ответил агент. – CDC направляет группу быстрого реагирования. Прибудут через два часа.

Два часа, подумала Элизабет. Много это или мало? При нынешней скорости репликации наноботы удвоят свою массу четырнадцать раз. Это значит.

Она не закончила расчёт. Не хотела знать ответ.

Над горизонтом поднималось солнце, окрашивая небо в оранжевый. Красивое утро. Спокойное утро. Последнее спокойное утро, возможно, в истории человечества.

Внутри запечатанного здания, в темноте и тишине, триллионы микроскопических машин продолжали свою работу. Они ели. Размножались. Эволюционировали.

И учились.

Глава 3. Прорыв контейнмента.

Полимерный саркофаг продержался один час и сорок три минуты.

Элизабет наблюдала за процессом из временного командного центра, развёрнутого в соседнем здании. Экраны мониторов показывали термодатчики, сейсмографы, датчики давления – всё оборудование, которое могло дать хоть какую-то информацию о том, что происходит внутри запечатанной лаборатории. Рядом с ней стоял Торнтон, Сара Кимбал и трое специалистов CDC, прилетевших из Атланты на военном транспортнике.

Старший из них, доктор Роберт Чжан, смотрел на графики с выражением человека, который видел много кошмаров, но этот превосходил всё.

– Температура растёт, – сказал он тихо. – Сейчас тридцать восемь градусов внутри саркофага.

– Это репликация, – пояснила Элизабет. – Процесс экзо-термический. Чем больше наноботов, тем больше тепла.

– Тогда их там уже триллионы триллионов.

Она кивнула. Математика была безжалостна. При экспоненциальном росте количество удваивалось каждые восемь минут. За час – в сотни миллиардов раз. Масса наноботов внутри саркофага сейчас измерялась уже не граммами, а килограммами.

– Смотрите, – один из техников указал на сейсмограф.

Прибор регистрировал слабые вибрации. Ритмичные, повторяющиеся. Как будто кто-то постукивал по стенам изнутри.

– Они проверяют барьер, – сказал Торнтон. – Ищут слабое место.

Постукивание усилилось. Из одного источника превратилось в десятки, сотни. На сейсмограмме линия превратилась в сплошную вибрацию. Элизабет представила картину: триллионы наноботов атакуют полимерную стену одновременно, методично разбирая молекулярные связи, тестируя структуру на прочность.

В 08:17 утра температура внутри саркофага достигла сорока двух градусов, и первый датчик давления вышел из строя. Затем второй. Третий.

– Они прорываются, – выдохнула Сара.

– Эвакуируйте всех из радиуса трёхсот метров, – приказал доктор Чжан. – Сейчас.

Сирены завывали снова. По территории кампуса побежали люди – студенты, профессора, технический персонал. Утро было ещё ранним, многие только приехали на работу, не зная о катастрофе ночи. Теперь охранники выгоняли их из зданий, указывая на парковки, где уже стояли автобусы для эвакуации.

Элизабет видела их лица через окно – испуганные, растерянные, злые. Кто-то кричал, требуя объяснений. Кто-

то просто бежал, повинуюсь инстинкту. Девушка в красной куртке споткнулась, упала, её подхватил парень в очках. Они побежали вместе к ближайшему автобусу.

– Доктор Чен, – голос Торнтонна вернул её к реальности. – Ваше мнение. Сколько у нас времени?

Она посмотрела на графики. Температура продолжала расти – сорок четыре градуса. Вибрация усиливалась. На термальном снимке здания появилось яркое пятно – концентрация тепла в одной точке.

– Минуты, – ответила она. – Может, меньше.

Как будто в подтверждение её слов, один из мониторов погас. Камера внутри коридора, ведущего к лаборатории, отключилась. Следом погасла вторая, третья. Наноботы добрались до проводки, пожирали медь, пластик изоляции, кремний микросхем.

– Мне нужно увидеть это, – сказал доктор Чжан. – Установите дрон с камерой. Хотя бы один взгляд на то, с чем мы имеем дело.

Через пять минут техники запустили квадрокоптер. Маленький аппарат поднялся к окнам запечатанного здания, заглянул в щель между ставнями. Изображение появилось на главном экране.

Элизабет услышала, как кто-то за её спиной выругался.

Коридор был чёрным. Не тёмным – именно чёрным, как будто покрытым слоем сажи. Но сажа двигалась, волновалась, текла по стенам и потолку. Это были наноботы. Их бы-

ло так много, что они образовали сплошной покров толщиной в сантиметры. Чёрная масса пульсировала, как живое существо, расползаясь во все стороны, поглощая бетон, металл, стекло.

– О господи, – прошептала Сара. – Сколько их там?

– Квадриллионы, – ответила Элизабет хрипло. – Может, больше.

Дрон приблизился к окну, и они увидели деталь, от которой кровь застыла в жилах. Чёрная масса двигалась не хаотично. Наноботы формировали структуры – что-то вроде щупалец или псевдоподий, которые тянулись к окнам, к дверям, ко всем возможным выходам. Они искали путь наружу.

И находили.

– Там, – указал Торнтон на угол экрана.

В месте стыка стены и потолка появилась трещина. Крошечная, не больше волоска. Из неё сочилась тонкая чёрная струйка. Наноботы нашли слабое место в изоляции и прорывались наружу.

– Отводите дрон, – скомандовал доктор Чжан. – Немедленно.

Но было поздно. Чёрная струйка выстрелила вверх с невероятной скоростью, как хлыст. Она коснулась дрона, и аппарат начал разваливаться в воздухе. Пластиковый корпус крошился, пропеллеры отпадали, электроника искрилась и гасла. За три секунды от дрона осталось только облако серой пыли, медленно оседающее на землю.

Изображение на экране погасло.

– Всем покинуть здание, – сказал доктор Чжан, и в его голосе впервые прозвучала паника. – Эвакуация. Сейчас.

Они бежали по коридорам, и Элизабет слышала за спиной нарастающий гул. Это было похоже на шум водопада или ветра, но она знала – это звук триллионов наноботов, прогрызающих себе путь сквозь стены.

Они выскочили на улицу, и тут же прогремел взрыв. Не огненный – хуже. Западная стена запечатанного здания лопнула, как перезрелый плод. Из пролома хлынул чёрный поток. Он лился на землю, растекался по асфальту парковки, текучий и смертоносный.

Люди кричали. Автобусы трогались с места, не дожидаясь отставших. Элизабет видела, как профессор Митчелл, семидесятилетний физик-теоретик, упал на дорожке. Студенты подхватили его под руки, потащили к ближайшей машине.

Чёрный поток расползлся быстро. Слишком быстро. Он двигался по земле со скоростью бегущего человека, поглощая траву, асфальт, бордюры. За ним оставалась серая пустыня – место, где когда-то была материя.

– Туда! – закричал Торнтон, указывая на джип охраны.

Они добежали до машины, запрыгнули внутрь. Водитель, молодой охранник по имени Дэнни, даже не дождался, пока они закроют двери – он газанул, и джип рванул с места, взвизгнув шинами.

В зеркале заднего вида Элизабет видела, как чёрная волна

накрывает парковку. Несколько машин, не успевших уехать, исчезали в ней, словно тонули в чёрной воде. Металл, резина, стекло – всё превращалось в строительный материал для новых наноботов.

– Быстрее! – крикнула Сара.

Дэнни вдавил педаль в пол. Джип мчался по кампусной дороге, огибая клумбы, подпрыгивая на неровностях. Где-то справа Элизабет увидела бегущих людей – группу лаборантов из соседнего корпуса. Они не понимали, что происходит, бежали не в ту сторону.

– Там люди! – закричала она.

– Не могу остановиться, – Дэнни едва удерживал руль. – Нас догонит!

Элизабет обернулась. Чёрная волна была в пятидесяти метрах позади, расплзалась веером, захватывая всё больше территории. Она видела, как волна дошла до здания биологического факультета и начала взбираться по стене. Наноботы не признавали гравитации – они просто ели материю, любую материю, в любом направлении.

Джип вырвался за пределы кампуса, проскочил шлагбаум, вылетел на городскую улицу. Дэнни затормозил только через два квартала, когда они оказались в относительной безопасности.

Элизабет выбралась из машины на дрожащих ногах. Оглянулась назад. Над Калифорнийским технологическим институтом поднималось облако серой пыли. Здания исчезали

одно за другим, словно их стирали с лица земли невидимой рукой. Чёрное пятно расплзлось во все стороны, и даже отсюда, с расстояния в полкилометра, она видела его рост.

– Сколько людей осталось там? – спросил доктор Чжан хрипло.

– Утренняя смена, – ответила Сара, проверяя планшет. – Триста двадцать человек на территории кампуса по последним данным.

– А эвакуировали?

Она не ответила. Не нужно было.

Телефон Торнтона зазвонил. Он ответил, слушал, и лицо его становилось всё мрачнее. Повесив трубку, он обернулся к группе:

– Это был Майкл Родригес. Техник из корпуса нанотехнологий. Он он коснулся заражённой поверхности.

– Где он сейчас? – быстро спросил доктор Чжан.

– В медпункте, три квартала отсюда. Сказал, что рука онемела. Что кожа чернеет.

Тишина.

– Они внутри него, – прошептала Элизабет. – Наноботы внутри него.

Доктор Чжан уже бежал обратно к джипу:

– Везите меня туда. Немедленно. И передайте в медпункт – никто не должен касаться пациента. Абсолютная изоляция.

Они примчались к медпункту за четыре минуты. Маленькое одноэтажное здание выглядело обычно – белые стены,

красный крест над входом, несколько машин на парковке. Но внутри творилось что-то страшное.

Они слышали крики, когда открыли дверь.

Медсестра, женщина лет тридцати, стояла у стены с выражением ужаса на лице. Она показывала дрожащей рукой на ординаторскую. Оттуда доносились звуки – хрип, стон, что-то вроде шипения.

Доктор Чжан надел перчатки, маску и первым вошёл в комнату. Элизабет пошла за ним, не зная толком зачем, просто не в силах остаться снаружи.

Майкл Родригес лежал на кушетке. Вся его правая рука была чёрной. Не просто чёрной – она двигалась, пульсировала, словно покрытая живой коркой. Наноботы пожирали его плоть, разбирали её на молекулы, реплицировались, используя его тело как питательную среду.

– Помогите, – прохрипел он, глядя на них невидящими от боли глазами. – Пожалуйста помогите.

Чернота расползлась вверх по руке, достигла плеча, перекинулась на грудь. Элизабет видела, как под кожей двигается что-то, как будто там ползают черви. Майкл закричал – долгий, нечеловеческий крик.

Доктор Чжан схватил ампулу с чем-то из аптечки – наверное, транквилизатор. Но прежде чем он успел сделать инъекцию, чернота достигла шеи Майкла, поползла по лицу. Крик оборвался. Тело на кушетке дёрнулось последний раз и замерло.

За пять секунд от Майкла Родригеса не осталось ничего, кроме груды серой пыли на белой простыне.

Элизабет отвернулась и вышла из комнаты. Её вырвало прямо на пороге. Она упала на колени, задыхаясь, и не могла остановить дрожь, сотрясавшую всё тело.

Она создала это. Она запрограммировала, вырастила, выпустила в мир. И теперь человек умер из-за её творения.

Первый человек.

Торнтон молча протянул ей бутылку воды. Она прополоскала рот, попыталась встать. Ноги не держали.

– Элизабет, – сказал он тихо, – это не твоя вина.

– Чья же ещё?

Он не ответил. Снаружи завывали новые сирены – пожарные, полиция, скорая. Город просыпался к реальности катастрофы. Где-то включился громкоговоритель, начал передавать инструкции по эвакуации.

Элизабет заставила себя подняться. Посмотрела на восток, где над кампусом росло серое облако. Чёрное пятно было теперь видно издали – круг диаметром почти в километр, расползающийся во все стороны.

Глава 4. Карантин.

Генерал Джонатан Харрисон прибыл через сорок минут после смерти Майкла Родригеса. Его вертолёт приземлился на футбольном поле средней школы, в трёх кварталах от зоны заражения. Элизабет наблюдала за посадкой с крыши соседнего здания, куда они перебрались, организовав импровизированный наблюдательный пункт.

Харрисон был высоким, жилистым мужчиной лет пятидесяти, с лицом, которое видело слишком много войн. Он вышел из вертолёта в полной боевой экипировке, за ним следовала команда из восьми человек – солдаты в химзащите, двое учёных в белых халатах, офицер связи с ноутбуком. Они двигались чётко, как хорошо отлаженный механизм.

– Доктор Чен? – генерал поднялся на крышу и протянул руку. Рукопожатие было крепким, сухим. – Генерал Харрисон, объединённое командование USAMRIID. Мне нужен полный брифинг. Сейчас.

Элизабет кивнула и развернула планшет. Руки всё ещё дрожали, но она заставила себя говорить чётко:

– Самореплицирующиеся наноботы медицинского назначения. Проект NANO-MED. Вышли из-под контроля в 03:47 этой ночью. Начали неконтролируемую репликацию с использованием любой доступной материи.

– Скорость распространения?

– Экспоненциальная. Удвоение массы каждые восемь-десять минут в среднем. Замедляется при низкой температуре или отсутствии доступной материи, ускоряется при наличии органики или металлов.

Харрисон посмотрел в сторону кампуса. Серое облако пыли поднималось всё выше, застилая утреннее солнце. Чёрное пятно разрослось до полутора километров в диаметре, поглотив уже весь научный кампус, студенческий городок и часть прилегающего жилого квартала.

– Жертвы?

– Одна подтверждённая. Техник Майкл Родригес, контакт с заражённой поверхностью. Смерть наступила в течение двух минут. – Элизабет сглотнула. – Неизвестное количество людей, не успевших эвакуироваться из кампуса. Предположительно от пятидесяти до ста человек.

– Предположительно, – повторил Харрисон жёстко. – Значит, точно не знаете.

– Связь с зоной заражения потеряна. Все камеры, телефоны, датчики – всё уничтожено наноботами.

Генерал развернулся к офицеру связи:

– Капитан Хьюз, установите периметр карантина радиусом пять километров от эпицентра. Эвакуация всего населения внутри периметра в течение двух часов. Никто не входит, никто не выходит без моего личного разрешения.

– Есть, сэр.

– Мне нужны вертолёты с термальными камерами. Хочу видеть границу заражения в реальном времени. И свяжите меня с Пентагоном. Прямая линия.

Офицер побежал вниз, отдавая команды по рации. На горизонте уже появлялись военные грузовики – зелёные колонны, прибывающие по всем дорогам, ведущим в Пасадену. Харрисон не терял времени.

– Доктор Чен, – он снова повернулся к ней, – у меня есть полномочия применить любые необходимые меры для сдерживания угрозы. Любые. Вы понимаете, что это значит?

Элизабет кивнула. Она понимала. Ядерное оружие. Если ситуация выйдет из-под контроля окончательно, они сотрут Пасадену с лица земли вместе со всем, что в ней осталось.

– Сколько у нас времени? – спросил генерал.

– На что?

– На то, чтобы найти способ остановить это без применения крайних мер.

Элизабет посмотрела на расчёты, которые делала всё утро. Математика была неумолима. При текущей скорости роста наноботы поглотят всю Пасадену за восемь часов. Лос-Анджелес – за сутки. Калифорнию – за неделю.

– Часы, – сказала она тихо. – У нас есть часы, не дни.

Торнтон подошёл к ним, держа в руках спутниковый телефон:

– Генерал, звонят из Белого дома. Президент хочет говорить с вами.

Харрисон взял трубку, отошёл на край крыши. Элизабет не слышала разговора, но видела, как напряглись его плечи, как сжалась челюсть. Через три минуты он вернулся, и лицо его было ещё жёстче.

– У нас есть шесть часов, – сказал он. – Если через шесть часов ситуация не будет под контролем, президент санкционирует ядерный удар. Пятьдесят килотонн на эпицентр заражения.

Тишина была абсолютной. Даже звуки города внизу – сирены, крики, грохот техники – казались далёкими и нереальными.

– Это уничтожит весь город, – прошептала Сара.

– Это уничтожит угрозу, – ответил Харрисон. – Или остановит её распространение. У нас нет другого выбора.

– Выбор есть всегда, – Элизабет шагнула вперёд. – Дайте мне команду. Лабораторию. Ресурсы. Я могу создать контрмеру.

– Какую контрмеру?

– Анти-наноботов. Программируемых охотников, которые будут целенаправленно уничтожать заражённых ботов. Я знаю их архитектуру лучше, чем кто-либо. Знаю их слабости.

Харрисон смерил её долгим взглядом:

– У вас есть шесть часов, доктор Чен. Ни минутой больше. Капитан Хьюз предоставит вам всё необходимое. Но если через шесть часов вы не добьётесь результата, Пасадена

перестанет существовать.

Он ушёл, отдавая новые приказы. Элизабет стояла на крыше, глядя на расплзающееся серое пятно, и впервые за всё это утро почувствовала не страх, а злость. Холодную, чистую злость.

Она создала этих монстров. Значит, она и уничтожит их. Капитан Хьюз оказался эффективным. Через двадцать минут Элизабет, Торнтон, доктор Чжан и Сара были в мобильной лаборатории – огромном трейлере, набитом оборудованием. Генераторы гудели снаружи, обеспечивая электричеством микроскопы, компьютеры, биореакторы. Военные притащили всё, что только можно было найти в радиусе пятидесяти километров.

– С чего начнём? – спросил Торнтон, засучивая рукава.

Элизабет открыла на большом экране архитектуру исходного нанобота – ту, что она проектировала три месяца назад. Серебристая сфера вращалась в трёхмерном изображении, демонстрируя каждую деталь конструкции.

– Их сила в адаптивности, – сказала она. – Они эволюционируют, меняют код, учатся противостоять угрозам. Но у любой эволюции есть ограничения. Есть базовые принципы, которые они не могут изменить без потери функциональности.

– Например? – доктор Чжан придвинулся ближе.

– Энергетика. Им нужна энергия для работы. Они получают её, расщепляя химические связи в поглощаемой мате-

рии. Но процесс не стопроцентно эффективен. Часть энергии рассеивается как тепло.

– И что это нам даёт?

– Мы создадим ботов-паразитов. Они будут не разрушать заражённых ботов напрямую, а перехватывать их энергетические потоки. Лишим их топлива. Без энергии они не смогут реплицироваться, не смогут двигаться. Станут инертной пылью.

Торнтон кивнул медленно:

– Это может сработать. Но нам нужно спроектировать, синтезировать и вырастить миллиарды этих паразитов за.

Он посмотрел на часы.

– За пять часов тридцать семь минут.

– Тогда не будем терять время, – Элизабет села за компьютер и начала писать код.

Следующие часы слились в единое размытое пятно. Она работала в бешеном темпе, не отрываясь от экрана. Пальцы летали по клавиатуре, вводя команды, строя алгоритмы, тестируя симуляции. Рядом Торнтон занимался физической архитектурой – проектировал структуру бота-паразита, определял оптимальную конфигурацию манипуляторов, способных захватывать и удерживать жертву.

Доктор Чжан координировал синтез. Биореакторы гудели, производя первые пробные партии. Сара связывалась с военными, организовывала поставки редких материалов, которые невозможно было найти в округе.

Снаружи слышались постоянные звуки – вертолёты, грузовики, голоса людей. Периметр карантина замыкался. Военные блокировали все дороги, выставляли контрольно-пропускные пункты. Национальная гвардия эвакуировала жителей из зоны риска – сотни тысяч человек покидали свои дома, не зная, увидят ли их снова.

В 11:15 в трейлер вошёл Харрисон. Лицо его было непроницаемым:

– Доложите о прогрессе.

– Прототип готов, – Элизабет указала на экран микроскопа. – Сейчас тестируем первую партию.

На экране была крошечная капля чёрной субстанции – образец заражённых наноботов, взятый с границы зоны. Рядом Элизабет поместила каплю прозрачной жидкости, содержащей ботов-паразитов. Они были вдвое меньше оригинальных наноботов, практически невидимые даже под микроскопом.

Две капли соприкоснулись.

В течение тридцати секунд ничего не происходило. Затем чёрная капля начала тускнеть. Серебристые точки паразитов атаковали заражённых ботов, цеплялись за их поверхность, проникали внутрь энергетических контуров. Чёрный цвет постепенно сменялся серым, затем белым.

Через две минуты от чёрной капли осталась только прозрачная жидкость с взвесью инертной пыли.

– Работает, – выдохнул Торнтон.

– Да, – Элизабет почувствовала, как напряжение последних часов немного отпускает. – Работает.

Харрисон наклонился ближе к экрану:

– Сколько таких паразитов вам нужно, чтобы очистить зону заражения?

– Триллионы. Может, квадриллионы. Зависит от того, насколько выросла масса заражённых ботов за это время.

– И сколько времени займёт производство?

Элизабет переглянулась с Торнтоном. Они оба думали об одном и том же.

– Слишком много, – сказала она тихо. – Даже с полной загрузкой всех доступных биореакторов нам понадобятся сутки, может, двое.

– У вас есть три часа двадцать минут, – напомнил Харрисон.

– Я знаю. Поэтому нам нужен другой подход.

Она развернула планшет, показывая схему:

– Мы не будем производить триллионы паразитов. Мы произведём миллионы и заставим их реплицироваться самостоятельно. Дадим им ту же способность к размножению, что и у заражённых ботов.

– Это опасно, – сказал доктор Чжан. – Вы создадите ещё одну самореплицирующуюся систему. Что, если она тоже выйдет из-под контроля?

– Мы заложим жёсткие ограничения. Паразиты будут размножаться только в присутствии заражённых ботов. Как

только целевая угроза будет нейтрализована, они самоуничтожатся. Генетически запрограммированная смерть.

– Теоретически это возможно, – согласился Торнтон. – Но на практике.

– На практике у нас нет выбора, – Элизабет посмотрела на Харрисона. – Это единственный шанс.

Генерал молчал долгую минуту. За окном трейлера пролетел очередной вертолёт, его тень скользнула по стене. Где-то вдалеке грохотали взрывы – военные уничтожали мосты и путепроводы, создавая физические барьеры на пути возможного распространения заражения.

– Делайте, – сказал наконец Харрисон. – Но если ваши паразиты начнут вести себя так же, как исходные наноботы, я лично нажму кнопку запуска ракеты.

Он ушёл, оставив их наедине с компьютерами, микроскопами и грузом невозможной ответственности.

Элизабет вернулась к работе. Пальцы снова заплясали по клавиатуре, вписывая команды самоуничтожения в код паразитов. Она работала, не поднимая головы, не отвлекаясь ни на что. В какой-то момент Сара принесла ей сэндвич, но он так и остался нетронутым.

Время шло. Два часа. Полтора. Час.

В 13:45 первая полноценная партия паразитов была готова. Два литра жидкости, содержащей десять миллиардов микроскопических охотников. Не много, но достаточно для начала.

– Как будем доставлять? – спросила Сара.

– Распыление с вертолѐта, – ответил Харрисон, который вернулся, чтобы наблюдать за финальной фазой. – Прямо над эпицентром заражения.

Элизабет кивнула. Это был риск. Огромный риск. Но других вариантов не осталось.

Она смотрела, как военные грузят канистры с жидкостью в вертолѐт. Винты начали вращаться, поднимая облака пыли. Машина взмыла в воздух и направилась к серому облаку над тем местом, где когда-то был кампус Калифорнийского технологического института.

Глава 5. Первые жертвы.

Вертолёт исчез в сером облаке над зоной заражения в 13:52. Элизабет следила за его силуэтом через бинокль, пока серая дымка не поглотила машину целиком. Связь с пилотом поддерживалась по защищённой радиочастоте, его голос звучал спокойно, профессионально:

– Достигли высоты триста метров над эпицентром. Начинаю распыление.

Элизабет представляла, как канистры открываются, как прозрачная жидкость с миллиардами паразитов выливается в воздух, распадается на мелкие капли, оседает на чёрную массу внизу. Микроскопические охотники проникают в рой, находят своих жертв, впиваются в их энергетические системы.

– Распыление завершено, – доложил пилот. – Возвращаюсь на базу.

Вертолёт вынырнул из облака, развернулся и полетел обратно. Через три минуты он приземлился на импровизированной посадочной площадке рядом с мобильной лабораторией. Пилот, старший лейтенант Карлос Диаз, вышел и стянул шлем. Лицо его блестело от пота.

– Видел что-нибудь? – спросил Харрисон.

– Ничего конкретного, сэр. Облако слишком плотное. Но

– он замялся, – там внизу что-то двигается. Большое. Как будто вся поверхность дышит.

Элизабет обменялась взглядами с Торнтоном. Теперь оставалось только ждать. Если паразиты работали так же, как в лабораторных условиях, первые результаты должны быть видны через пятнадцать-двадцать минут.

Они вернулись в трейлер, где на большом экране отображались данные с термальных камер вертолётов-наблюдателей. Чёрное пятно достигло уже двух километров в диаметре, поглотив не только кампус, но и значительную часть окружающих кварталов. На термальном изображении оно светилось ярко-красным – температура в эпицентре достигла сорока восьми градусов.

– Смотрите, – капитан Хьюз указал на один из мониторов.

Температура начала падать. Медленно, но заметно. Сорок семь градусов. Сорок шесть. Сорок пять.

– Работает, – выдохнула Элизабет. – Паразиты перехватывают энергетические потоки. Репликация замедляется.

Торнтон увеличил масштаб на участке границы зоны заражения. Чёрная масса, которая раньше расплзалась со скоростью пятьдесят метров в час, остановилась. Застыла. Цвет начал меняться – из чёрного в серый, из серого в белесый.

– Боже мой, – прошептал доктор Чжан. – Это действительно работает.

Но радость была преждевременной.

В 14:17 один из термальных датчиков зарегистрировал

аномалию. На южной границе зоны температура вдруг подскочила. С сорока до шестидесяти градусов за несколько секунд.

– Что это? – Харрисон наклонился к экрану.

Элизабет переключила изображение на визуальную камеру. То, что она увидела, заставило её кровь похолодеть.

Из серой массы вырвался чёрный фонтан. Он взметнулся вверх метров на двадцать, затем рухнул обратно, разбрызгиваясь во все стороны. Капли чёрной субстанции полетели далеко за пределы зоны заражения, приземляясь на крыши домов, машины, деревья.

– Они мутируют, – сказала она хрипло. – Адаптируются к паразитам. Создают новое поколение, устойчивое к атаке.

– Как быстро?

– Слишком быстро.

Второй фонтан ударил на западной границе. Третий – на северной. Заражённые наноботы эволюционировали со скоростью, превосходящей любые расчёты. Они не просто выживали под атакой паразитов – они контратаковали, распространяясь за пределы основной массы, создавая новые очаги заражения.

На мониторах появились красные точки – новые зоны повышенной температуры. Одна в жилом квартале в километре от эпицентра. Вторая – у автострады. Третья – в торговом центре.

– У нас прорывы периметра, – доложил капитан Хьюз. –

Минимум семь точек. Возможно, больше.

Харрисон схватил рацию:

– Всем подразделениям, код красный. Прорыв контейнента. Зачистка вторичных очагов, немедленно.

Элизабет смотрела на экраны, и в груди росла тяжесть безнадёжности. Каждая красная точка была новым эпицентром заражения. Каждая могла вырасти в такое же пятно, как первое. А паразиты работали слишком медленно.

Её телефон завибрировал. Сообщение от коллеги из Стэнфорда, профессора Маркуса Вейла: "Элизабет, что, чёрт возьми, происходит в Пасадене? В новостях говорят о химической аварии, но видео в интернете показывают что-то совсем другое. Ты в порядке?"

Видео в интернете. Она открыла браузер на планшете и ввела в поиск "Пасадена". Результаты заставили её похолодеть.

Сотни роликов. Тысячи. Люди снимали всё на телефоны – чёрную массу, поглощающую здания, вертолётные военные, колонны беженцев. Один клип набрал уже два миллиона просмотров за последние тридцать минут. На нём было видно, как чёрная волна накрывает припаркованный автомобиль, и за двадцать секунд от машины не остаётся ничего.

Комментарии под видео пестрели теориями заговора, паникой, недоверием:

"Это фейк, CGI, не может быть реальным"

"Правительство скрывает правду!!!"

"Кто-нибудь знает, что это такое???"

"Мой брат живёт в Пасадене, не могу с ним связаться"

– Генерал, – Элизабет показала ему планшет, – информация просочилась. Люди знают.

Харрисон выругался сквозь зубы:

– Хьюз, свяжитесь с пресс-службой Пентагона. Нам нужно официальное заявление, пока не началась массовая паника.

Но было уже поздно. Паника уже началась.

На одном из мониторов появилось изображение с дорожной камеры на автостраде I-210. Поток машин остановился. Люди выходили из автомобилей, смотрели на юг, где над Пасаденой поднималось серое облако. Кто-то пытался развернуться, создавая заторы. Началась драка между двумя водителями. Женщина с ребёнком на руках бежала по обочине.

– Эвакуация выходит из-под контроля, – доложил один из офицеров. – Люди пытаются выехать из города все одновременно. Все дороги забиты.

Элизабет переключилась на новостной канал. Ведущая, явно растерянная, читала текст, который кто-то только что скинул ей в наушник:

"власти подтверждают чрезвычайную ситуацию в Пасадене. Жителям рекомендуется сохранять спокойствие и следовать инструкциям служб эвакуации. По предварительной информации, произошла утечка экспериментальных материалов в одной из лабораторий Калифорнийского технологического института"

Экран переключился на прямое включение. Репортёр стоял на крыше здания в нескольких километрах от зоны заражения, за его спиной был виден чёрный купол, накрывший часть города.

"Как вы можете видеть, Джессика, ситуация здесь крайне напряжённая. Военные перекрыли все подъезды к этому району. Мы видим вертолёты, войска, технику. Официальные лица отказываются комментировать"

Его голос прервался. Камера дёрнулась, оператор явно что-то увидел. Изображение сфокусировалось на улице внизу.

Там бежал человек. Мужчина лет тридцати, в рваной куртке, босиком. Он кричал что-то, махал руками. За ним, на расстоянии метров десяти, по асфальту расползлось чёрное пятно.

– О боже, – выдохнул репортёр. – О боже, там человек.
Мужчина спотк.

нулся, упал. Попытался подняться, но чёрная масса была быстрее. Она накрыла его ноги, поползла вверх по телу. Его крик донёсся даже до микрофона на крыше – протяжный, нечеловеческий вопль боли и ужаса.

За пять секунд всё закончилось. На асфальте осталась только груда серой пыли, которую ветер начал разносить в стороны.

Репортёр роронил микрофон. Оператор продолжал снимать, и камера дрожала в его руках.

Трансляция оборвалась.

Элизабет закрыла глаза, но картина уже впечаталась в память. Вторая жертва. Вторая смерть, вызванная её творением.

– Выключите новости, – приказал Харрисон. – Всем сосредоточиться на работе.

Но невозможно было не видеть. На каждом экране, на каждом мониторе разворачивалась катастрофа. Красные точки множились на карте города. Военные пытались изолировать каждый новый очаг, но наноботы были быстрее. Они учились обходить барьеры, находить щели в обороне, проникать туда, где их не ждали.

В 14:45 пришло сообщение из госпиталя Святого Луки, в трёх километрах от зоны заражения. Четверо пациентов поступили с чёрными пятнами на коже. Контакт с заражённой поверхностью. Врачи пытались изолировать их, но один из пациентов умер через две минуты после поступления. Его тело разложилось на глазах у медперсонала.

Госпиталь эвакуировали. Сто пятьдесят человек – пациенты, врачи, медсёстры – выводили из здания, пока специальная команда в химзащите пыталась локализовать заражение.

В 15:03 Элизабет получила ещё одно видео – уже не из новостей, а из частного источника. Кто-то снял на телефон, как чёрная масса поглощает жилой дом. Пятиэтажное здание просто проваливалось в землю, как будто таяло. Стены

крошились, окна лопались, крыша обрушивалась внутрь. За две минуты на месте дома осталась только серая яма.

Сколько людей было внутри? Десять? Двадцать? Пятьдесят?

Она не знала. Никто не знал. Подсчёт жертв был невозможен – слишком быстро всё происходило, слишком хаотично.

Торнтон положил руку ей на плечо:

– Элизабет, тебе нужно отдохнуть.

– Нет времени на отдых.

– Ты не спала уже.

– Сколько? – она резко обернулась к нему. – Двадцать часов? Сутки? Какая разница, если люди умирают каждую минуту?

– Ты не сможешь им помочь, если свалишься от истощения.

Она знала, что он прав. Голова гудела, руки дрожали, перед глазамиплыли чёрные пятна. Но остановиться было невозможно. Каждая секунда промедления означала новые жертвы.

В 15:20 один из вертолёт-наблюдателей передал новые данные. Термальные камеры зарегистрировали странную активность в центре основной зоны заражения. Температура там поднялась до девяноста градусов, хотя по всем остальным параметрам должна была падать.

– Что там происходит? – спросил Харрисон.

Элизабет приказала вертолёту приблизиться, включить

максимальное увеличение камеры. Изображение было размытым из-за серой дымки, но даже сквозь неё можно было разглядеть нечто невероятное.

Наноботы строили.

В самом эпицентре заражения, там, где когда-то был главный корпус института, чёрная масса выстраивалась в структуры. Правильные геометрические формы – шестиугольники, соединённые в решётку. Они росли вверх, слой за слоем, формируя что-то вроде гигантских сот.

– Что, чёрт возьми, это такое? – выдохнул доктор Чжан.

Элизабет не ответила. Она просто смотрела на экран, пытаясь понять. Наноботы не просто потребляли материю. Не просто размножались. Они создавали что-то. Целенаправленно. Организованно.

Как будто они следовали плану.

– Им нужно больше пространства, – сказала она тихо. – Они выстраивают структуру для для чего-то большего.

– Для чего?

– Не знаю.

Но страх внутри неё говорил, что она скоро узнает. И ответ ей не понравится.

Часы показывали 15:35. До ядерного удара оставалось меньше полутора часов. Паразиты замедлили рост основной зоны заражения, но не остановили его. Вторичные очаги продолжали появляться. Жертвы множились.

Элизабет вернулась к компьютеру, начала вносить изме-

нения в код паразитов. Делала их агрессивнее, быстрее, эффективнее. Но внутренний голос шептал, что этого недостаточно.

Что они уже проиграли.

Что человечество только что встретило врага, которого не может победить.

На экране телефона всплывало уведомление за уведомлением – новые видео из Пасадены, новые сообщения от друзей и коллег, новые заголовки новостей. Весь мир наблюдал за развивающейся катастрофой в реальном времени.

Глава 6. Информационная блокада.

В 15:47 интернет в радиусе пятнадцати километров от Пасадены отключился. Просто исчез – все соединения, все сети, все точки доступа. Элизабет смотрела, как на её планшете погасли иконки социальных сетей, браузер выдал ошибку подключения, мессенджеры перестали обновляться.

– Что за чёрт? – Торнтон тряс свой телефон, как будто это могло помочь.

– Глушат сигнал, – сказал капитан Хьюз, не поднимая глаз от консоли. – Приказ сверху. Полная информационная блокировка зоны.

– Почему?

– Видели новости? – он кивнул на экран, где ещё недавно крутились кадры из Пасадены. – Паника распространяется быстрее, чем наноботы. В Лос-Анджелесе начались беспорядки. Люди штурмуют магазины, пытаются выехать из города. На шоссе 101 произошло массовое ДТП – семнадцать машин, четверо погибших. Биржи рухнули на двадцать процентов за последний час.

Элизабет посмотрела в окно трейлера. Снаружи военные устанавливали вышки с оборудованием – глушилки сигнала, блокираторы сотовой связи. Небо над Пасаденой было забито вертолётами, но теперь ни одна камера не могла транслировать происходящее в прямом эфире.

– Они хотят контролировать информацию, – сказала она тихо. – Чтобы не началась массовая паника по всей стране.

– Уже поздно для этого, – Торнтон указал на экран компьютера, который всё ещё работал через военный спутниковый канал. – Смотрите.

На экране была карта мира с тысячами красных точек. Каждая точка – упоминание событий в Пасадене в социальных сетях, новостях, блогах. Они множились в геометрической прогрессии. Китай, Россия, Европа, Южная Америка – весь мир обсуждал катастрофу.

Хэштег #PasadenaOutbreak занимал первое место в трендах соцсетей. Под ним – миллионы сообщений, от панических до саркастических, от теорий заговора до научных объяснений. Кто-то сравнивал происходящее с фильмами-катастрофами. Кто-то требовал от правительства немедленных объяснений. Кто-то молился.

В дверь трейлера постучали. Вошёл мужчина, которого Элизабет раньше не видела. Азиат лет тридцати пяти, в мятой рубашке и джинсах, с рюкзаком за плечами и измученным лицом. Он остановился на пороге, оглядывая присутствующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.